

"Моск. рабочий" 1941, 21/ХI

БЛАГОДАРНОЕ СЛОВО ПОКЛОННИКАМ

Своих первых зрителей и слушателей вспоминаю на оперных спектаклях в Полтаве, в гражданскую войну. Они сидели в зале с винтовками, бомбами, гранатами.

Один из них в бельэтаже вдруг размахнулся гранатой, сделал вид, что сейчас бросит ее в оркестр, — и оркестра как не бывало, все попрятались.

Но, конечно, не такой «юмор» определял того зрителя. Я помню другие концерты, много концертов, в Полтаве, например, перед солдатами, вчерашними крестьянами, которые вот только что из боя, я пел песни на слова Шевченко, арию Ленского, «Серенаду» Шуберта. Они принимали искусство как дар, то, что мы были во фраках (все — и солисты, и оркестр), — как доверие, они были немного смущены и как бы извинились: прости, я не все понимаю, не все до меня доходит, но я так ценю этот ваш вид, и то, что вы поете, это серьезное, настоящее — для меня. Удивительно, но наша старая форма — фраки — действовала очень сильно: она дисциплинировала и внушала глубокое уважение к тому, что пели. Я ходил тогда в обмотках и «буцах», но перед зрителями был в неизменном фраке — его

выменивали на «толкучке» за селедку и сало.

Мне думается, что та эпоха может быть для нас во многом поучительна. Репертуары концертов — и торжественных, и обычных — тогда в большинстве состояли из классики. Я помню концерт в Большом театре в честь одной из первых годовщин революции, на нем исполнялись 9-я симфония Бетховена, «Вече» Римского-Корсакова из «Псковитянки» — и все. Теперь же в репертуаре концертов — тоже и торжественных, и обычных — классика занимает примерно десятую долю. Тогда в маленьких городках Украины, вроде Полтавы, Кременчуга, Каменец-Подольска, обязательно были любительские хоры, звучавшие тем не менее на высоком профессиональном уровне. Четырхголосье и восьмиголосье было для таких хоров нормой. Теперь же обычно любительские хоры поют в терцио, на два голоса, хор на четыре голоса вызывает уже удивление, не говоря об репертуаре.

Как-то в антракте «Евгения Онегина» знаменитый певец Большого театра Владимир Ричардович Сливинский, обсуждая,

как бы меня получше убить (я пел Ленского, он — Онегина), заодно поведал, как он, еще студент-правовед, был среди тех, кто распрыгнул карету Ермоловой и на себе дотащил карету от театра до квартиры. В те минуты он был счастлив, истинно счастлив, он пережил ту великую отдачу, после которой на душе бывает радостно и восторженно, после которой и жить лучше, и живущие кажутся лучше (разве не в этом великая сила искусства?). Но у Шекспира есть мудрые слова: счастлив тот, кто любит, а не тот, кого любят. Потом Сливинский сам испытал на себе такое поклонение, и оно часто возмущало его — наверное, теми эксцентричными формами, которые порой оно принимало.

Поклонение актерам, художникам, исполнителям — тема сложная и деликатная. Ее можно рассматривать шире и глубже, это всего лишь одно из проявлений целой системы поведения людей, их отношений друг к другу и к искусству, их культуры. Но я говорю о других поклонниках.

Каждому художнику нужен камертон. Он, как правило, звучит негромко, он рассчитан на одно-

два уха, и разноголосый шум всеобщего поклонения может заглушить его. Когда ты остаешься один, наедине с собой и своей совестью, ничто его не заменит. Таким камертоном и становятся наши истинные поклонники — те, кто нас понимает и ничего нам не прощает. Наши друзья, наша опора и поддержка.

Им — мое благодарное слово.

Прежде всего — полтавскому зрителю и слушателю. Еще в 1919—1920 годах мне приходила в голову эта мысль: если суждено мне будет работать в искусстве, я приеду в Полтаву и поклонюсь хотя бы стенам тех залов, где звучали доброжелательные аплодисменты, где виделись (и видятся мне до сих пор) серьезные, сосредоточенные лица. В антракте «Кармен», в которой я пел Хозе, прибежали на сцену музыканты из оркестра, и один из них, Брейтман, бросился мне на щеку, начал целовать.

«Осторожнее, — говорю, — я в гриме, испачкается», — «Что мне белая сорочка, когда речь идет о великом искусстве!». Я вспомнил это 50 лет спустя, в Большом театре, где теперь работают те полтавские музыканты: Жук, Ковтун, Брейтманы.

С тех далеких дней они стали моими друзьями; они всегда были неподкупными профессионалами, и мнение их значит для меня много.

Уже ушли из жизни многие мои друзья, чьи отзывы я ценил очень высоко, которые многое сделали для меня как для исполнителя: Игумнов, Нейгауз, Лосский, Альтшуллер, Бокова, Чемоданов, Асафьев. С глубочайшей благодарностью вспоминаю я своего профессора Елену Александровну Муравьеву.

Но я знаю, что в каждом городе, в каждом зрительном зале есть истинные поклонники — не мои, а искусства, — для которых стоит и работать, и жить.

Я необычайно высоко ценю доброжелательность. Но иногда бывает странная вещь: начинаю бояться бесед и писем о творчестве. Каждый говорит о том, что ему кажется самым важным, порой это «самое» не совпадает с моим пониманием арии или песни, и потом, во время исполнения, меня вдруг сковывает это чужое понимание, мешает, отвлекает от собственного видения. Все это очень сложно...

И все же еще раз: спасибо тем, кто любит искусство, кто верен ему.

И. КОЗЛОВСКИЙ, народный артист СССР